

УДК 808.51(73):009

А. П. Овчинникова

АМЕРИКАНСКОЕ ОРАТОРОВЕДЕНИЕ КАК ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА

Учебная дисциплина, которая в Соединенных Штатах Америки — в юридических вузах, а также за их пределами — получила название «оратороведение», довольно широко позиционируется как особая гуманитарная наука. Разумеется, научный статус накладывает на нее особые обязательства. В связи с этим встает вопрос о том, в каком случае гуманитарное знание превращается в гуманитарную науку. И что такое гуманитарная наука вообще? Например, является ли таковой и сама юриспруденция?

Абсолютно привычным и неоспоримым признаком научности знания признается его системность. Вообще, никто — ни ученый, ни инженер, ни искусствовед или политик — не обходится без слова «система». Достаточно вспомнить бесчисленные ссылки на «системы знания», «системы референции», «системы общественных отношений», «системы государственного управления», на «теорию как систему» и т.д. Ссылаются не обязательно структуралисты (в поэтике Р. Барт анализирует «полноценные знаковые системы», как он их называет, и якобы «неполноценные» — неязыковые «коммуникативные системы, основанные на принципе аналогии» [1, 297]). Для всех дисциплин ссылки на «системы» — дело естественное и обычное.

Что же до юриспруденции, то и теоретическую, и практическую работу юриста мы представляем именно системно — благодаря ли усвоенным парадигмам права, например, европейским, благодаря ли организации этой работы по канонам рассудка или ещё по каким-то другим причинам. В правоведении мир возможных юридических норм представляет собой кладёз бесконечного многообразия всяческих систем и структур.

Юрист предполагает, что не только он сам, но и те, кому закон адресован, в какой-то мере обладают правосознанием, т.е. находятся в том же структурном поле и воспринимают правосудие как систему. Правосознание предполагает ту или иную степень понимания правовых норм. Но всякое понимание — не более чем модель объекта. При этом никакой единственной и абсолютной модели не существует — иначе это противоречило бы принципу фаллибилизма К. Поппера: никакое знание не безгрешно и должно, если оно действительно знание, а не продукт идеологии, допускать свое уточнение или даже опровержение и смену. Это означает, что наличных интерпретаций правовых норм всегда более чем одна. А иначе говоря, правосознание в целом представляет собой множество разных моделей. При этом всякая модель — это определенное системное представление предмета — ведь другого способа понимания, кроме системного подхода, нет. Получается, что всякий анализ правосознания — это анализ систем, так или иначе моделирующих — опять-таки системы юридических норм.

Таким образом, построение правоведения как системы знания — непрменный признак его научности, применение системного подхода в таком построении

ний оправдано. Но при этом для юриспруденции, как и для других гуманитарных наук, возникает проблема выбора адекватной концепции системного подхода.

Целый ряд концепций системного подхода ориентирован исключительно на физически взаимодействующие вещи (система как «комплекс взаимодействующих элементов») или на логико-математический анализ (система как «множество с отношениями»). Однако юриста интересует не столько «множества», предполагающие счет, и не физически взаимодействующие предметы, а, прежде всего, качественный рост (или снижение) правосознания. Здесь нужна особая концепция системного подхода.

В работах А. И. Уёмова собрано и обобщено несколько десятков определенных «систем» [2, 98-125]. В результате было получено два (двойственных друг другу) определения — таких, что остальные определения должны быть признаны либо логически некорректными, либо следовать из предлагаемых в качестве частных случаев. При этом не предполагается ни количественный анализ, ни исключительно логический анализ без обращения к носителям отношений.

Согласно одному из определений, системой должен быть признан произвольный объект, который содержит некоторое отношение, обладающее заранее предполагаемым свойством. В этом определении заранее фиксированным (не обязательно четко осознаваемым) свойством — в разных случаях — могут быть, например, замысел автора закона, требования к нормам права, цель законодателя или пользователя закона и т.д. Это — концепт системного представления. Чаще всего концепт не формулируется явно, а лишь имеется в виду. Так, законы гражданского, административного, уголовного права могут и не ссылаться на Конституцию, но именно она определяет их системообразующие отношения.

Структурой выступают некоторые отношения, а именно такие, которые способны воплотить этот замысел-концепт юриста. Структура — самое важное характеристическое свойство системы, именно на неё, главным образом, направлено и внимание юриста. Но системный подход тем и отличается от структурного подхода, что структуры рассматриваются не отдельно от вещей, а вместе с вещами, которые интерпретируются.

Материал, на котором выполняется структура, выступает субстратом. Таким образом, системным представлением называется процедура превращения любого объекта в субстрат для некоторой структуры, соответствующей заранее зафиксированному концепту.

Системное представление не самоцель, а только средство системного подхода. Многие характеристики предмета интересов юриста не могут быть определены иначе, чем через предварительное рассмотрение этих предметов в системном виде. Например, юрист не может обойтись без явного или подсознательно-го обращения к представлению о системе, когда отвечает на вопросы о том, завершена ли его система права или нет, т.е. допускает ли она присоединение новых элементов, стабильна ли она, т.е. сохраняет ли система свою структуру

при различных изменениях в субстрате, стационарна ли (сохраняет ли свои элементы при изменениях в структуре), автономна ли она по элементам (обладают ли ее подсистемы характеристиками системы в целом) и т.д. Все это качественно (а не количественно) определяемые системные параметры, без которых невозможно сформулировать и системные закономерности.

Вопрос о том, много ли в юриспруденции (как и в иных гуманитарных дисциплинах) собственно научного, решается, таким образом, в первую очередь, в зависимости от того, много ли в ней систематизации в самом прямом смысле этого слова. Если науку, вслед за А. Эйнштейном, понимать как построение относительно простых моделей, способных объяснять действительность (и, соответственно, получать возможность строить предсказания) с помощью открытых законов, а не только описывать, фиксировать происходящее, то в этом отношении гуманитарные науки заметно уступают наукам естественнонаучного цикла.

Можно, конечно, возложить надежды на внедрение традиционных средств классической науки в развитие гуманитарного знания. Можно, например, рассматривать культуру в целом в виде «интеллектуального аспекта искусственной среды, которую человек создает в ходе своей социальной жизни» [8, 83], и рассуждать о нем в терминах теории массовых коммуникаций, т.е. на языке математической теории информации и контент-анализа, во вполне объективистском духе. Однако очевидно, что при этом теряется именно гуманитарная специфика знания, поскольку человек рассматривается как объект наравне с природными объектами.

Именно последнее соображение привело — еще в начале XX века, в работах В. Дильтея, баденской школы неокантианства, М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера и др. — к постановке вопроса о необходимости для гуманитарных наук особой гуманитарной методологии. В частности, разводились по разные стороны человеческого познания объяснение как цель естественных наук и понимание, которое становилось прерогативой дисциплин, изучающих человеческое бытие. Полагалось, что другого человека, тексты и, наконец, самого себя следует не объяснять через подведение под всеобщий и безличный закон (через так называемое номологическое объяснение), а понимать, истолковывать в качестве именно единичного и уникального путем эмпатии, интуиции, сочувствия, а также путем вслушивания в язык, который, по Хайдеггеру, «говорит человеком»: «Человек не только живое существо, обладающее среди прочих своих способностей также и языком. Язык есть дом бытия, живя в котором человек существует, поскольку, оберегая истину бытия, принадлежит ей» [3, 203]. Считалось, что такие вещи, как добро и красота, доступны только гуманитарному представлению, но не естественнонаучному.

Эта программа двух расходящихся ветвей методологии, как стало ясно к концу XX столетия, не была выполнена и, по-видимому, не могла быть выполнена. Слишком многие вопросы остались без ответа. Ни один естествоиспытатель не согласился с тем, что он только объясняет, но не понимает при этом природу и свой конкретный (может быть, неповторимый!) объект. В. Гейзен-

берг говорил, например, что со времен античности существовало два понятия красоты — «как правильного согласования частей друг с другом» [4, 269] и как (еще по Пармениду) «свечения в материальном явлении вечного сияния единого». Оба они связаны с представлением о целостности и отнюдь не чужды естествознанию: «...в точном естествознании, как и в искусстве, главный источник распространяемого света и ясности заключается в красоте» [4, 282].

И все же у Вильгельма Дильтея, который хотел разъединить методологию гуманитарных и естественных наук, были для этого некоторые основания. Гуманитарное знание строится не только (и не столько) на поиске общих законов, но и на так называемом «телеологическом» объяснении, опираясь на «практический силлогизм». Чтобы понять социальное явление, требуется определить цель и адекватные ей средства деятельности человека [5, 173-179].

Классики физики говорят о том, что за строгость и точность, достигаемую при использовании языка математики, они вынуждены платить ограничением своего предмета, довольствоваться «изображением наиболее простых, доступных нашему опыту явлений», что при этом они движимы всего лишь желанием «...уйти от будничной жизни с ее мучительной жестокостью и безутешной пустотой ... в мир объективного видения и понимания... и наслаждаться спокойными очертаниями, которые кажутся предназначенными для вечности... создать в себе простую и ясную картину мира для того, чтобы оторваться от мира ощущений... попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной» [7, 1].

А. Эйнштейн подчеркивал, что «этим занимаются художник, поэт, теоретизирующий философ и естествоиспытатель, каждый по-своему» [7, 40], но культурологу и искусствоведу почти нечего делать с наработанными в классической науке средствами исследования.

Нельзя ли тогда сохранить единую методологию человеческого познания не на естественнонаучной, а на гуманитарной основе? Основания для этого как будто имеются. Ведь естествознание — не более чем один из фрагментов «жизненного мира», оно, так же как и поэзия, не выходит за пределы языка. Природные феномены тоже «...выступают предметом понимания в своей культурной приобщенности, в своей способности быть потенциальным или актуальным фактором бытия человека. Соответственно и их понимание совершается по параметрам этого социокультурного бытия, которое полностью исчерпывает «герменевтические» свойства природных объектов» [6, 36].

Но если идти по этому пути, становится актуальным ответ на вопрос о том, что же такое герменевтический метод.

Будем считать методом некоторые операции познания и практического действия, предназначенные для достижения определенного результата, т.е. последовательность рационально контролируемых извне шагов, которые направлены на получение того же самого конечного итога. Эти операции должны быть однозначно воспроизводимы другим человеком в иных условиях и в иное время. В таком случае герменевтическое исследование, с его свободным парением в неструктурированном концептуальном мире, с бесконечным поиском все но-

вых смыслов истолкования объекта, мало напоминает привычные научные методы. Знаменитый «герменевтический круг» понимания, смысл которого, по М. Хайдеггеру, состоит вовсе не в том, чтобы подвести какой-либо итог, позволяющий из круга выйти, а в том, чтобы в этот круг войти — именно с целью поиска все новых и новых углов зрения на данный предмет, может быть назван «методом» лишь в приблизительном, размытом, а может быть, и в метафизическом смысле слова.

У такого метода (если это вообще «метод» — ведь даже Гадамер, крупнейший исследователь герменевтики, был склонен считать его не методом, а искусством) есть, по крайней мере, два существенных недостатка. Во-первых, он ни в коей мере не преследует цели практического преобразования объекта исследования и достижения определенного результата. Он лишь непрерывно расширяет круг наших интерпретаций. Во-вторых, он, этот метод, фактически, не воспроизводим другим пользователем. Ведь каждый новый исследователь будет опираться на собственное «пред-понимание», на свой «пред-рассудок» и особенно на собственное слышание некоторого конкретного языка. Ни о какой однозначности понимания, ни о какой конструктивности, ни о какой объяснительной силе речи не ведется. Нет слов, герменевтические навыки работы полезны для любого ученого. Но все-таки метод — это то, что способно приносить практический эффект: преобразовывать объект исследования, обеспечивать предвидение, упрощать саму процедуру исследования и т.д.

Исходя из этих соображений, можно сказать, что для гуманитарных наук системный метод — в духе той теории систем, которая способна относительно строго описывать и объяснять качественные характеристики объекта, остается незаменимым средством исследования. Системный подход — в некотором смысле — занимает промежуточное положение между естествознанием и гуманитарным познанием. Точнее говоря, он — не промежуточное, а междисциплинарное средство, которое применимо во всех научных областях.

Вернемся теперь к оценке американского оратороведения в качестве науки.

Если обратиться к привычным для европейца работам, которые касаются овладения ораторским искусством, то можно отметить, что подавляющее большинство этих работ можно назвать экстенциональными. Они имеют целью расширение кругозора читателя, объема его эрудиции. Для них характерны попытки раздвижения границ эстетического чувства или стремление предложить (навязать?) тот самый способ восприятия, которым воспользовался сам культуролог или искусствовед. Для него совсем не характерно использование хорошо определенных понятий или фиксированных правил получения одних утверждений из других, которые способствовали бы тому, чтобы культурологи могли «договориться» — относительно одинаково понимать друг друга, а следовательно, применять знание практически.

Современная американская культурология вообще и в той части, которая касается ораторской деятельности, напротив, поражает обилием того, что в США считается методологическими концепциями. Однако если внимательно посмотреть на развитие американской такого рода методологии, можно подме-

тить некоторые особенности и тенденции. Во всяком случае, необходимо принять во внимание отношение между двумя подходами и к изучению ораторского искусства, которые, в американской терминологии, характеризуются как аналитико-научный и нормативно-гуманитарный.

Различие названных подходов связано с принятым в американских классификациях разделением аналитических и нормативно-гуманитарных наук. Это деление не совпадает с различием гуманитарных (общественных, социальных), естественных наук и технических наук, принятым в академической системе Украины. Привычное для украинского ученого деление наук опирается на различие в предмете науки, в пределах которого изучение человека и общества противопоставляется изучению природы и техники. Американское деление наук проводится не по предмету, а по типу самого научного знания.

Аналитические науки изучают определенные отношения между конкретными событиями и не интересуются содержанием самих этих событий. Отношения между событиями, изучаемые аналитическими науками, имеют характер вневременных закономерностей.

Что же касается нормативно-гуманитарных дисциплин, то действующий в их пределах тип научного знания в американской терминологии характеризуется не как наука, а как ученость. Предметом гуманитарной учености являются не законы, а конкретные события. Важной особенностью наук, относимых по американским классификациям к разряду гуманитарных, является использование в их понятийном аппарате нормативно-оценочных категорий. Существенно, что оценочные категории используются не только в исследовательской методологии нормативно-гуманитарных наук, но и в содержании теорий, развиваемых в этих науках.

Американское «оратороведение», составляющее центральную часть предмета «Речь», развивается как одна из нормативно-гуманитарных наук и поэтому обладает всеми особенностями наук данного разряда. Это проявляется в первую очередь в том, что концепции ораторского искусства не являются чисто аналитическим описанием механизма воздействия речи, а представляют собой систему нормативных рекомендаций о принципах эффективного построения речи. Весьма показательно, что эти концепции имеют статус не научно-исследовательской дисциплины, а учебного предмета.

Соответственно, в американском оратороведении преобладают тексты об истории данного искусства. При этом в нем прослеживается ориентация на теоретические положения классической риторики. Опора на исторические традиции науки вполне соответствует духу американских нормативно-гуманитарных наук, для которых характерна ориентация на культурные идеалы прошлого.

Вместе с тем, несмотря на то, что нормативно-гуманитарное направление в оратороведении является абсолютно преобладающим, сейчас ведется изучение ораторского искусства и методами аналитической науки, которая представлена квантитативными (количественными) исследованиями. Если же говорить в целом, то надо отметить следующее. Хотя в американском оратороведении

представлены оба подхода, ведущим является нормативно-гуманитарное направление. Это дает основание охарактеризовать данный период как период «классического» оратороведения. Это сближает его с тем, что понимается под этим предметом в Европе.

Для обозначения теории ораторского искусства в американском оратороведении утвердилась и еще одно название — «публичная речь». Под этим названием оно фигурирует в курсах речи, предлагаемых американскими университетами. Формирование предмета «Речь» как особого раздела американской науки завершилось к концу XX века. Приобретение предметом «Публичная речь» официального статуса самостоятельной академической области получает выражение в создании специализированных научных учреждений, ведущих работу в данной области науки. Издается специальная научная периодика, появляются самостоятельные отделения речи в колледжах и университетах.

В это же время складывается структура предмета «Речь», в которую включаются дисциплины, изучающие отдельные виды устной словесности (ораторское искусство, дебатирование, устная интерпретация, театр), экспериментальные науки о речи и слухе, а также прикладные дисциплины — речевая терапия и речевая педагогика. Центральное место в структуре предмета «Речь» занимают концепции ораторского искусства — о теоретических основаниях ораторского искусства (публичная речь), история и критика ораторского искусства, история риторики.

В ряде публикаций по основным разделам оратороведения наблюдается стремление заложить и теоретические основы этой науки. Однако серьезно говорить о научном статусе оратороведения пока еще явно рано. В становлении оратороведения как науки (в классическом смысле этого слова) необходимо пройти еще довольно большой путь. Прежде всего, надо определиться с характером систематизации знания в этой дисциплине, выяснить, какими средствами может быть получено одно знание из другого (возможно, решающую роль здесь скажет как раз системный подход), определиться с исходной терминологией, создать особую идеализированную область — сделать все то, что позволит указать признаки стандартной научной теории.

Литература

1. Барт Р. Риторика образа // Избранные работы. Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт. — М., 1989.
2. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем / А. И. Уемов. — М. : Мысль, 1978. — 272 с.
3. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие : статьи и выступления : пер. с нем. / М. Хайдеггер. — М., 1993.
4. Гейзенберг В. Значение красоты в точной науке // Шаги за горизонт : пер. с нем. / В. Гейзенберг. — М., 1987.
5. Никифоров А. Л. Философия науки: история и теория / А. Л. Никифоров. — М. : Наука, 2006. — 190 с.
6. Доказательство и понимание. — К., 1986.
7. Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // Собрание научных трудов / А. Эйнштейн. — М., 1967. — Т. 4. — С. 39-40.
8. Моль А. Социодинамика культуры : пер. с фр. / А. Моль. — М., 1973. — 406 с.

Аннотация

Овчинникова А. П. Американское оратороведение как гуманитарная наука. — Статья.

В статье дан сравнительный анализ понимания гуманитарных наук в Европе и Америке на примере приобретения научного статуса американским оратороведением.

Ключевые слова: оратороведение, правоведение, системный подход, нормативно-гуманитарная наука.

Анотація

Овчинникова А. П. Американське ораторознавство як гуманітарна наука. — Стаття.

У статті дається порівняльний аналіз розуміння гуманітарних наук в Європі й Америці на прикладі набуття наукового статусу американським ораторознавством.

Ключові слова: ораторознавство, правознавство, системний підхід, нормативно-гуманітарна наука.

Summary

Ovchinnikova A. P. American Criticism of Oratory as humanitarian science. — Article.

In the article contained comparative analysis of understanding of humanities in Europe and America on the example of acquisition of scientific status American Criticism of Oratory.

Keywords: Criticism of Oratory, jurisprudence, systems approach, normative-humanitarian science.

УДК 340.149:821

Ю. В. Хижняк

**СВЯЗЬ ПРАВА И ЛИТЕРАТУРЫ
КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

Современный этап развития науки характеризуется тенденцией к интеграции научного знания разных отраслей и ростом интереса к междисциплинарным исследованиям. И действительно, юридическая наука сегодня находится в условиях, когда право и государство как сложный объект её приложения, исследования и развития претерпевает такие изменения, которые влекут за собой появление новых сфер юриспруденции [1, 5]. При этом для отечественной юридической науки характерен высокий уровень догматизации, который может быть преодолен с использованием междисциплинарных подходов. К тому же за счет привнесения новых тем, проблем, вопросов, концепций, понятий может быть обеспечено развитие правовой и государственной сферы [1, 9].

В юриспруденции отмечается формирование таких дисциплин междисциплинарного характера, как философия права, социология права, юридическая политология, правовая кибернетика, юридическая антропология, юридическая логика, правовая статистика, юридическая лингвистика.

Цель статьи. Одним из новых направлений юриспруденции являются исследования на стыке права и литературы. В украинской и российской юридической литературе вопрос взаимосвязи между правом и художественной литературой, по сути, не изучен, а выделение этой отрасли междисциплинарных исследований считается спорным.